

В.Г. Авсеенко

Люди и жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8

ББК 84-4

В11

В11

В.Г. Авсеенко

Люди и жизнь / В.Г. Авсеенко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 523 с.

ISBN 978-5-458-17130-4

Сборник повестей и рассказов В. Авсеенко, среди которых "Молодо-зелено", "Батистовый платок", "Братья Хрычевы", "Приятели" и др.

ISBN 978-5-458-17130-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

было узнать отставного генерала.—Мастерски выразился Василий Проничъ.

— А вѣдь это именно наши два народные элемента: мягкость и строгость,—вставил третій собесѣдникъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ круглымъ лицомъ не то барского, не то бюрократического типа, выражавшимъ смысль тонкой дипломатичности съ напускнымъ благодушиемъ. Онъ уже доѣлъ послѣднее блюдо, и сидѣть въ полѣ-оборота къ обществу, глаза на постороннюю публику и раскачивая къ себѣ и отъ себя палку съ серебрянымъ набалдашникомъ.—Да, да, мягкость и строгость—это два чудныя начала, лежащія въ основѣ всего нашего устройства, семейнаго и общественнаго.

Весь народный укладъ на нихъ держится, подтвердилъ Василий Проничъ.—И климатъ у насъ тоже народный: мягкий и вмѣстѣ суровый.

— Что это, какія вы смыслия говорите,—неожиданно вмѣшалась одна изъ двухъ сидѣвшихъ тутъ дамъ. Вѣдь если такъ разсуждать, то береза у васъ окажется лучшѣ пальмы, потому что напоминаетъ вѣдь строгую отеческую розгу.

— Береза! Да это первое дерево въ мирѣ воскликнула Сѣсивцевъ.—Она даже и не красотѣ живописнѣе вашей пальмы.

— Вы торгуете березовыми дровами, что ли? сказала дама, и засмѣялась, чтобы смягчить рѣкость своей выходки.

Сѣсивцевъ въ душѣ обидѣлся, но не показать виду, и посмотрѣть на даму (аскотно)-страдательный взглядъ.

— Очень ужъ вы къ загравицамъ привыкли,—отвѣтилъ онъ.

— Не раскаиваюсь,—подтвердила дама, събившись красивыши, немножко крупными губами, съ замѣтными темными чешуйками вѣтъ на нихъ и крошечной родинкой на уголкѣ рта.

Ее звали Еленой Дмитриевной Глыбовой. Мужъ ея, большой дѣлецъ, директоръ крупнаго промышленнаго предпріятія и миллионеръ, находился теперь въ Петербургѣ, и долженъ былъ пріѣхать за нею въ концѣ сезона. Она жила въ Ниццѣ съ девятилѣтней дочкой и гувернанткой, занимала прелестную маленькую виллѣ, и считалась одной изъ самыхъ элегантныхъ представительницъ русской колоніи. Ей было тридцать лѣтъ, но лицо ея сохраняло слѣды свѣжести, и вся она носила отпечатокъ той милой, влекущей прелести, какою обладаютъ только очень молодыя женщины.

II.

Великолѣпнаго вида гарсонъ подалъ ликеры и фрукты. Генералъ съ накрашенными усами смотрѣлъ на этого гарсона съ какою-то злобною насмѣшливостью, точно рѣшалъ въ умѣ:—«а что, еслибъ ему да вдругъ крѣпкое словцо загнуть?»

— Вотъ, полюбуйтесь,—обратился онъ ко всемъ вообще:—самая настоящая квинт-эссенція западной цивилизациі. Кожа, у канальп, какъ у женщины тонкая, да розовая, усики какъ у гусарскаго корнета, фракъ, какой у насъ полтораста рублей стоитъ, а вѣдь лакей, хамъ; бросьте ему два мѣдныхъ су, онъ въ жилетный карманъ спустить и «*merci, monsieur!*» скажетъ; а попробуйте ему, напримѣръ, рожу горчицей смазать, такъ въ тюрьму васъ засадиグъ. Правильно это, я вѣдь спрашиваю?

— Кто же лакеямъ рожу горчицей мажеть?—вразильт круглолицый господинъ, по фамиліи Толченовъ, директоръ и тайный совѣтникъ. Въ его голосѣ какъ бы даже брезгливость послышалась.

— Нѣтъ, я разсуждаю привинціально,—продолжалъ генералъ.—По-моему, если ты хамъ, такъ и держи себя хамомъ, и ситуаенское-то свое достоинство оставь. А то, изволите видѣть: на водку ему подай, а говори съ нимъ

на «вы». И добро бы въ самомъ дѣлѣ честный гражданинъ былъ, а то вѣдь дрянь, жуликъ, въ душѣ ни Бога, ни совѣсти нѣтъ, всякия развратныя мерзости дѣлаетъ...

— Да почему вы знаете? — вскричала другая дама, очень недурненькая брюнетка небольшого роста, съ пухленькой, немножко приподнятой верхней губой, придававшей, вмѣстѣ съ коротенькимъ носомъ, нѣсколько задорное выраженіе всему лицу.

Она только недавно вышла замужъ, и проводила въ Ниццѣ свой медовый мѣсяцъ. Ея мужъ, Эсперъ Петровичъ Варваровскій, тучный блондинъ лѣтъ сорока-пяти, совершившій бойкую служебную карьеру подъ покровительствомъ своей воспитательницы княгини Троевѣровой, извѣстной ханжи и благотворительницы на чужія деньги, присутствовалъ тутъ же.

— Кто же этого не знаетъ? — возразилъ генералъ. — Вся Франція, въ сущности, вотъ изъ такихъ гарсоновъ состоитъ. Общее растлѣніе, вырожденіе; распутство какъ образъ жизни. Ни у кого ни Бога, ни чести въ душѣ нѣтъ. Поганые трусишки, крикуны, благёры. Послушать ихъ — первая нація въ мірѣ; а поставь ихъ снова подъ прусскія пули — опакостятся хуже, чѣмъ въ тотъ разъ.

Молчавшій до тѣхъ поръ Варваровскій взглянуль на жену и на Елену Дмитріевну, какъ бы желая убѣдиться, не смущены ли онъ выраженіями генерала; но, не замѣтивъ на ихъ лицахъ ничего особенаго, проговорилъ тономъ убѣженія:

— Совѣтъ прошацій народъ.

— Да ужъ чего лучше, когда они только и дышать стали съ тѣхъ поръ, какъ явилась надежда на военное застуничество Россіи, — продолжалъ генералъ. — Батюшки мои, какъ обрадовались! Только-что не говорять: спасите, молъ, насъ отъ нѣмцевъ, а мы въ это время будемъ паскудничать и подлые шансонетки пѣть. И вѣдь что противно: самомнѣніе при этомъ величайшее. Ну, если

ты трусишка, чортъ съ тобой, иолѣзай ко мнѣ за пазуху; такъ по крайней мѣрѣ знай, что ты прохвостъ, и поклонись мнѣ въ ножки. А они все еще себя первой націей въ мірѣ считаютъ. Мы ихъ отъ нѣмцевъ спасать должны, а скажи я вотъ этому самому гарсону по-русски: «подай счетъ, подлая твоя рожа!»—такъ вѣдь онъ глаза выпучить, и не пойметъ ни слова.

Мужчины разсмѣялись.

— И хорошо, что не пойметъ,—замѣтилъ Толченовъ; —а то повели бы вѣсть, русскаго генерала, судиться съ гарсономъ у французскаго мѣрового.

— Да еще не у французскаго, а у монакскаго,—вставиль, смѣясь, Сиѣсивцевъ.

— Меня вотъ что удивляетъ, господа,—заговорила Елена Дмитріевна, натягивая перчатку на свою узкую, чуть-чуть загорѣвшую руку.—Когда французы относились къ намъ и ко всему русскому съ пренебреженіемъ и насмѣшкой, у насъ все имѣй поконоялись, и въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества прямо лакействовали передъ ними. А когда во Франціи отношеніе къ намъ измѣнилось, и они стали насть цѣнить, и можетъ быть даже искаль въ насть, мы вдругъ прониклись невѣроятнѣйшимъ презрѣніемъ ко всему французскому. Согласитесь, господа, что это вовсе не народная напа черта, и что въ этомъ нѣть ничего спмпатичнаго.

— Позвольте, но вѣдь надо знать, почему они стали цѣнить насъ. Имѣ наши два миллиона штыковъ нужны, вотъ что-съ!—вступилъ за генерала Сиѣсивцевъ.

— Это одно другому не мѣшаетъ; еслибы Германія намъ грозила, да еще вмѣстѣ съ Австріей или Англіей, такъ и намъ французскіе штыки пригодились бы,—защищалась Елена Дмитріевна.

— Обопѣлись бы, обопѣлись бы безъ нихъ! сами отъ всѣхъ отбились бы!—кричалъ генераль.—Съ нами воевать —не то, что съ культурными народами. Въ нашей

непокрытой избѣ ничѣмъ не поживицься. У насть грязь нсылаznая, да голь перекатная—намъ терять нечего.

— Ну, вотъ видите: сами же сознаетесь, что намъ терять нечего,—продолжала Глыбова.—А у нихъ въ каждый квадратный метръ земли сколько труда и капитала заложено. Не удивительно, что имъ есть за что тревожиться, и что война пугаетъ ихъ больше, чѣмъ насть. Люди дорожать своими культурными благами, накощленными вѣками, а вы ихъ за это трусами считаете.

— Нѣть-сь, не то,—возразилъ Толченовъ,—а ужъ очень они избаловались, жизнь свою слишкомъ хорошо обстроили, оттого и рисковать ею не хочется. Въ этомъ всегда лежитъ начало паденія народовъ.

— Такъ по вашему, для величія народа нужно, чтобъ онъ всегда въ непокрытыхъ избахъ жилъ?—вмѣшалась Катерина Павловна Варваровская.

— Нужно не нужно, а только этакъ какъ-то серьезнѣе выходить,—отвѣтилъ Толченовъ съ маленькимъ, непрѣдѣльно къ чему относившимся смѣхомъ.

— Душу свою народъ сберегаетъ этакъ,—пояснилъ за него Спѣсивцевъ.

Елена Дмитріевна немножко прищурila на него свои большіе, продолговатые глаза и расхохоталась.

— Ахъ, Василий Провичъ, вы неподражаемы,—проговорила она весело.—Теперь я понимаю, почему при вашихъ фабрикахъ не устроено ни одной порядочной школы: вы душу народную оберегаете.—Но мы засидѣлись, господа; не пора ли въ казино?

III.

Все общество направилось черезъ площадку, отдѣлявшую террасу ресторана отъ казино. Впереди шли обѣ дамы, съ Спѣсивцевымъ по одной сторонѣ и генераломъ

по другой. Толченовъ, немного прихрамывавшій, держался съ Варваровскимъ позади.

— Какъ вы теперь себя чувствуете? помогаетъ ли южный воздухъ? — освѣдомился у своего спутника Варваровскій.

— Помогаетъ, несомнѣнно помогаетъ, — отвѣтилъ тотъ. — Меня вѣдь что напугало: въ пальцахъ лѣвой ноги какой-то холодокъ стала ощущаться. Ни съ того ни съ сего, вдругъ точно вѣтеркомъ подуетъ. И представьте, въ лѣвой рукѣ тоже самое: вотъ въ родѣ того, какъ на спиритическихъ сеансахъ бываетъ. Подуетъ, подуетъ, и перестанетъ.

— Вы думаете, это опасно? — спросилъ Варваровскій.

— Въ этихъ случаяхъ не надо думать, надо оберегать себя, — возразилъ Толченовъ. — Мне, понимаю, было очень трудно уѣхать среди нашей законодательной сессіи. Моя просьба объ отпускѣ удивила князя. Но я сказала: — «Ваше сіятельство, съ тѣхъ поръ какъ Шарко умеръ, мы всѣ, отдающіе свой мозгъ высшимъ вопросамъ государственной политики, должны вдвое беречь себя».

— Какъ? какъ? какъ вы сказали? — обернулась черезъ плечо Елена Дмитріевна. — Повторите, пожалуйста, вашу фразу.

— О, я знаю насмѣшилъ направлѣніе вашего ума, — проговорилъ, слегка покраснѣвъ отъ досады, Толченовъ. — Но какова бы ни была моя фраза, важно то, что благодаря ей, я имѣю удовольствіе гулять съ вами по Монте-Карло.

— Напрасно подозрѣваете мою насмѣшилость, — отвѣтила Елена Дмитріевна. — Ваши слова меня заинтересовали просто потому, что до сихъ поръ отъ меня ускользала связь между высшей государственной политикой и... вашими консультациими у Шарко.

— Знаю, знаю, что вашъ язычокъ острѣе всякой бритвы, — проговорилъ Толченовъ, преодолѣвая почув-

ствованную обиду.—Но это не мѣшаетъ мнѣ оставаться вашимъ всегдашимъ поклонникомъ.

Елена Дмитріевна улыбнулась ему черезъ плечо, одной стороной лица.

— Чѣмъ и доказывается, что умные люди умѣютъ понимать шутки,—сказала она.

— Аmen!—произнесъ съ аффектаціей генераль.—Видите, и мы что-нибудь по-латыни знаемъ.

— Да это вовсе не латинское слово,—возразила Глыбова.

Генераль озадачился, но дамы уже вѣгали по широкимъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ рулетки.

Залы казино были переполнены. Шумъ снующей взадъ и впередъ толпы, гулъ разговоровъ на языкахъ всего міра, непрерывающійся звонъ сгребаемаго и разбрасываемаго золота, тяжелое звяканье серебряныхъ пяти-франковиковъ, пестрота дамскихъ туалетовъ, духота въ воздухѣ, пронизанномъ крѣпкою смѣсью духовъ и человѣческихъ дыханій—все это оглушало, раздражало, драпало нервы и ускоряло кровообращеніе. Чувствовалась какая-то нездоровая, вакхическая пряность, замаскированная разнуданность оргіи, свободный культъ неназваннаго, жестокаго и властнаго бога, незримо торжествовавшаго въ этомъ великолѣпномъ капищѣ.

А въ большія росписныя окна глядѣла дивная южная ночь, вся мѣлющая въ своей ласковой свѣжести, слабо шуршали по стекламъ острые концы пальмовыхъ листовъ, и мерцали трепетнымъ, блѣдымъ блескомъ далекія звѣзды. И эта чистота, эта прозрачность, это цѣломудренное мерцаніе ночи, ласково покрывающей капище своими холодѣющими тѣнями, какъ будто еще усиливали ощущеніе ядовитой пряности, наполнявшее внутренность храма.

— Взгляните! вглядитесь!—говорилъ Спѣсивцевъ, идя на шагъ впереди всѣхъ илавно вздымая руки.—Это зданіе, эти рельефы на стѣнахъ, эти плафоны, эта живо-

пись — что это такое? для чего? во имя чего? Вѣдь это дворецъ, это музей. И какое назначеніе? Падъ чѣмъ трудилось искусство, вдохновеніе, знаніе? Чтобъ создать игорный домъ, вертенъ! Вотъ эмблема современной цивилизациі...

— Я же говорилъ! Развѣ я не говорилъ! — подхватывалъ генераль.

При входѣ во вторую залу, Варваровскій окликнулъ всѣхъ:

— Господа, а развѣ мы не пріостановимся отдать дань рулеткѣ? Mesdames, скажите мнѣ чо вдохновенію нумеръ, чтобъ поставить en plein.

— Тринадцатый! я всегда на него ставлю! — откликнулась Глыбова.

— Отлично. На ваше счастье! — произнесъ Варваровскій, и подошелъ къ столу.

Остальные тоже подошли къ столу. Варваровскій бросилъ черезъ голову какого-то американца луидоръ и подвинулъ его лопаточкой на 13-й нумеръ. Шарикъ уже вертѣлся, зыкая и подпрыгивая.

— Rien ne va plus! — послышался окрикъ крушье.

— Zéro, — раздался черезъ секунду тотъ же голосъ.

— Погибла золотушка! — съ гримасой обратился ко всѣмъ Варваровскій. — А вы, господа, развѣ не рискнете?

Спѣсивцевъ досталъ портмоне, порылся и вытащилъ луидоръ, который у него не приняли сегодня въ двухъ магазинахъ.

— Я на красную поставлю, — сказалъ онъ, и осторожно, чтобъ не зазвенѣла, положилъ монету на сукно. Онъ зналъ, что по звону отличаютъ хорошия монеты отъ «некорошихъ».

— Trente-deux, rouge, pair et passe, — объявилъ крушье.

Спѣсивцевъ спокойно снялъ двѣ монеты и опустилъ ихъ въ карманъ.

Елена Дмитріевна поставила на 13-й нумеръ и проиграла.

Толченовъ тоже что-то поставилъ и проигралъ. Варваровская, не захватившая съ собой денегъ, взяла у Глыбовой пятифранковку — у мужа она не хотѣла брать — и наобумъ, ничего не понимая въ игрѣ, положила монету на черту. Крупъ выбросилъ на ся ставку 55 франковъ. Она вопросительно оглянулась на Елену Дмитріевну.

— Берите же, это ваши. Вы сдѣлали *transversale de trois numéros*, — объяснила та.

IV.

Заплативъ, такимъ образомъ, скромную дань рулеткѣ, общество соотечественниковъ отошло отъ стола и продолжало прогулку по заламъ.

При входѣ въ отдѣленіе *trente-et-quarante*, на встречу имъ пошелся молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, средняго роста, съ очень пріятными чертами чисто русскаго лица. Темно-русые волосы его были коротко острижены, отчего онъ казался еще моложавѣ. Веселые каріе глаза его какъ будто улыбались, добродушно и мягко. Яркія, шухлыя губы подъ маленькими усиками не улыбались, но и отъ нихъ вѣяло тѣмъ же мягкимъ добродушіемъ; даже и въ овалѣ щекъ, немножко полныхъ, съ нѣжной, какъ у женщинъ, розоватостью, замѣчалось тоже добродушіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ молодомъ человѣкѣ чувствовались и бойкость, и энергія, и большое русское «себѣ на умѣ», и нѣрастраченное любопытство къ жизни.

Онъ шелъ довольно скоро, молодой, крѣпкой походкой, и беззечно поглядывалъ по сторонамъ, какъ человѣкъ, которому все равно, уйти ли сейчасъ отсюда, или встрѣтить знакомыхъ и остановиться съ нимъ. Онъ чутъко

ялется на Елену Дмитриевну, но узнавъ ее, тотчасъ радостно улыбнулся, при чмъ все лицо его немножко вспыхнуло, и въ бойкихъ зрачкахъ засвѣтился туть ласковый блескъ, которымъ, кажется, обладаютъ только русскіе глаза.

Онъ раскланялся, назвавъ Елену Дмитриевну по имени. Она какъ будто не сразу его узнала, прищурилась на него съ нѣкоторой осторожностью, но потомъ, припомнивъ, протянула ему руку и проговорила съ равнодушной привѣтливостью:

— Мосье Лаховъ? Давно ли вы въ этихъ мѣстахъ? Очень рада съ вами встрѣтиться.

Молодой человѣкъ, съ лица которого еще не сбѣжала вызванная неожиданной встрѣчей краска, отвѣтилъ съ запинками конфузливаго молодого самолюбія, что прѣхалъ вчера, остановился въ Ниццѣ, думаетъ прожить здѣсь съ мѣсяцъ, потому что «чудное же мѣсто», а собственно въ Монте-Карло сегодня въ первый разъ, и еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ любопытнымъ «заведеньицемъ».

Онъ, говоря, все время слегка посмѣивался, весело по-водя глазами, и немножко точно пританцовывалъ на мѣстѣ, какъ дѣлаютъ молодые люди, не успѣвшіе овладѣть собою и желающіе скрыть это.

А Елена Дмитриевна, чтобы ободрить его, старалась глядѣть на него какъ можно привѣтливѣе, и въ то же время припоминала все, что только могла о немъ припомнить. Но память подсказывала очень немногого. Она встрѣчала его мелькомъ въ Петербургѣ, онъ даже бывалъ у нихъ въ домѣ, на большихъ балахъ. Но это было совсѣмъ поверхностное знакомство, не выдѣлявшее Лахова изъ толпы, которую она принимала три-четыре раза въ годъ. Впрочемъ, однажды, кто-то обратилъ на него ея вниманіе, и она пристально и проницательно оглядѣла его. Впечатлѣніе, кажется, было въ его пользу.